

важным, чем для иностранцев — познакомиться с этой закрытой страной. Аналогии с очень недавним прошлым и с современной ситуацией кажутся очевидными. Кстати, столь знакомый образ занавеса, отделявшего Россию от Европы (*железный занавес*), идет из XVIII в., а в XIX в. подхватывается русским писателем и историком Карамзиным, когда он говорит, что Петр разрывает завесу, скрывающую от России успехи человеческого разума, т. е. снова устремляет взгляд только в одну сторону.

Литература

Байбурин 2005 — Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.

Неклюдова, Осповат 1997 — Неклюдова М. С., Осповат А. Л. Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному всаднику» // Лотмановский сборник. [Вып.] 2. М., 1997. С. 255—272.

Цивьян 2000 — Цивьян Т. В. Архетипический образ дома в народном сознании // Живая старина. 2000. № 2 (26). С. 2—4.

Цивьян 2000а — Цивьян Т. В. Интерьер петербургского пространства в «Пиковой даме» Пушкина // Slavica Tergestina 8. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. Trieste, 2000. С. 191—202.

Цивьян 2007 — Цивьян Т. В. Еще о семиотике дома в свадебном обряде (по материалам этнолингвистического словаря Северного Прикамья) // АБ-60: сборник статей к 60-летию Альберта Кашфуллоевича Байбурина [Текст] / Европейский университет в Санкт-Петербурге; ред. Н. Б. Вахтин [и др.]. СПб., 2007. (Studia Ethnologica; вып. 4).

Элиаде 1994 — Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

ЭС 2004 — Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004.

Summary. *In the article on a material of the Russian literature it is considered a myth of a window/eye as an element of structure of the house-microcosm and means of visual communication with the external world-macrocosmos, necessary for information reception from the outside.*

Key words: *the Russian literature, a window/an eye, a house as microcosm.*

Е. В. МИНЁНОК
(Москва)

ДОМ «СТОЛЫПИНСКИХ» ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ДЕРЕВНЯХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ОТ ЗЕМЛЯНКИ К УСАДЬБЕ

Аннотация. *Статья посвящена вопросу строительства жилья в деревнях Восточной Сибири, основанных по программе Столыпинской аграрной реформы (1906—1917). Сотни тысяч переселенцев из Украины, Белоруссии, западных районов России навсегда покидали родину и ехали в далекую, неизвестную Сибирь, чтобы существенно изменить свою жизнь к лучшему. В глухой тайге переселенцы строили дома, церкви, школы и оставили нам в наследие несколько сотен живописных деревень, в которых потомки переселенцев через сто лет продолжают жить крепким крестьянским укладом.*

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, переселенец, Столыпин, усадьба, крестьянское хозяйство.*

Постулат о том, что Соединенные Штаты Америки создали люди особого психологического склада — инициативные, бесконечно преданные идеям личной свободы и неприкосновенности частной собственности, с твердым характером, трудолюбивые, желающие и способные «жить по-новому», не повторяя ошибок Старого Света в социально-экономическом устройстве, — в определенном смысле стал трюизмом. Однако в истории России начала XX в. происходил весьма похожий процесс — массовое переселение инициативных, умелых людей, не желавших мириться с бесперспективной действительностью, верящих в возможность изменить свою жизнь и жизнь своей семьи с помощью собственного свободного труда. Речь идет о Столыпинской аграрной реформе, которая при всей ее противоречивости и незавершенности имела колоссальные положительные последствия не только для экономики России, но и для национального самосознания народов Российской империи. Образно говоря, заселение Сибири с 1906 по 1917 гг.

можно назвать нашим «американским» опытом. «Считая чувство личной собственности одним из важнейших природных свойств человека, Столыпин хотел, чтобы в России сформировался мощный пласт крестьян-собственников, который в аграрно-крестьянской стране станет, с одной стороны, основным источником формирования среднего класса, а с другой — прочным фундаментом гражданского общества и правового государства»¹.

Переселение крестьян по столыпинской реформе — это самая массовая миграция населения России в XIX—XX вв. При этом временной отрезок, отделяющий нас от этого эпохального процесса, достаточно короток. Мы можем сегодня воочию увидеть материальные результаты этой реформы — села и деревни, отстроженные в глухой тайге первопоселенцами из различных регионов Российской империи. Можем интервьюировать их детей и внуков, которые еще помнят рассказы дедушек и бабушек о том, как те приехали «из Рассеи» в «эту Сибирь». Устные свидетельства во многом «оживляют», наполняют «кровью и плотью» сухую статистику в исторических исследованиях по столыпинской реформе. Так, за показателями роста числа сельскохозяйственных обществ, приобретения единиц сельхозтехники, российского экспорта зерна стоят конкретные судьбы людей, решившихся рискнуть своим настоящим ради достойного будущего.

В конце концов, в основе любого действия лежит эмоция. Какие жизненные обстоятельства породили эмоцию такой силы, что люди покидали веками нажитые места, разрывали родственные связи, распродавали последние крохи, брали кредиты и с малолетними детьми на руках уезжали в далекую, неизвестную Сибирь?

Научное собрание и анализ устных свидетельств о жизни столыпинских первопоселенцев, а главное — наличие живых потомков, сохранивших семейные рассказы о новом жизнеустройстве, фотографии, отражающие быт первых лет на Сибирской земле, открывает ог-

¹ Михаил Давыдов. Столыпинская аграрная реформа: замысел и реализация. Публичная лекция // <http://www.polit.ru/lectures/2007/02/08/davydov.html>

ромный научный простор для фольклориста и этнографа.

Данная статья обобщает материал, собранный в шести фольклорно-этнографических экспедициях, проведенных с 2003 г. по 2010 г.² За это время были комплексно обследованы двадцать сел на юге Иркутской области: 5 украинских, 3 белорусских, 2 чувашских и 10 русских. Все поселения расположены в районах Прибайкалья, были основаны в 1907—1909 гг.³ Численность населения на момент обследования в «столыпинских» селах и деревнях составляла от 600 до 2000 человек.

Ограничение пространства четырьмя стенами с верхним покрытием — одно из изначальных условий жизнеобеспечения человека (наравне с едой, водой и теплом). Без дома невозможна реализация человеческой жизни. И любое жилище — это не только показатель развития общества в целом, но и психологический портрет индивидуума, в нем проживающего. Каково же было жилище европейцев, покинувших свои дома, ради новой жизни в такой далекой и неизвестной Сибири?

При всей очевидной необходимости жилья, строительство дома не было первоочередной задачей поселенцев. Разработать пашню, засеять ее, собрать урожай и получить семена на будущий год — задача, которую должна была решать каждая вновь прибывающая семья. Новый распаханый кусок земли, отвоеванный у непроходимой тайги путем корчевания лиственниц в три

² Фольклорные экспедиции 2009 и 2010 гг. проводились в рамках проекта «Мультимедийная текстология фольклора (экспериментальное издание памятников)», осуществляемого по программе ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации», направление программы «Фольклор как форма существования текста». Фольклорная экспедиция 2008 г. проводилась на грант благотворительного фонда American Friends of Russian Folklore (USA, California) — <http://www.russianfolklorefriends.org>, проект «Dynamics of Folklore Traditions» (2008 год). Собранные материалы хранятся в фольклорной коллекции фольклорного отдела Института мировой литературы им. А. М. Горького.

³ Соответственно, в 2007—2009 гг. в селах широко отмечались столетние юбилеи их основания.

обхвата, был залогом благополучия переселенцев, воплощенной мечтой о новой, вольной, сытой жизни. Именно на обработку земли бросались все семейные ресурсы, тогда как строительство жилья отходило на второй план. Привожу описание приезда семьи в с. Батама (Зиминский р-н) 22 мая 1908 г. из мемуаров Степана Васильевича Бондаренко: *«Наши повозки расположились под огромными лиственницами у небольшого шалаша из берёзовых веток, оставленного нарезавшими участок землемерами. С утра в этот день, когда мы находились ещё в пути, ласково светило солнышко, а к вечеру, когда подъехали к шалашу, видневшиеся сквозь ветки деревьев кусочки голубого неба заволокло тучами и пошёл обильный дождь! Куда деваться? Мы с Петром и детьи Бобокало, 2 парнишек и 4 дочери, попытались спрятаться в шалаше, но он протекал как решето! Пришлось из шалаша залезать под телеги, загруженные всяким домашним скарбом. Отец и его друг, пустив на попас спутанных проголодавшихся лошадей, быстро спилили большую лиственницу, стали сдирать с неё кору и этой корой (лубками) накрывать шалаш и телеги. К ночи кое-как удалось прикрыться от дождя. Спать всем пришлось в шалаше и под телегами, сбившись в кучу почти сидя, укутавшись чем пришлось... Чуть свет отец с товарищем, взяв топоры и лопаты, перешли на правую сторону ярка на свои рядом расположенные усадьбы и занялись строительством уже капитальных шалашей, накрытых лиственничными лубками и дёрном. К половине дня они расчистили дорогу через яр и переправились на правую сторону с телегами и всем скарбом — к шалашам, на постоянное место жительства, где, как мечталось, находится давно искомое счастье...»⁴.*

Так, в первое лето многие приезжавшие довольствовались шалашами, тем более что времени на постройку местная природа отвела минимум. Вагоны с переселенцами почти всегда приезжали в середине весны (конец апреля — май), под Пасху. В сентябре в Восточной Сибири ложится снег, который сходит только в конце следующего апреля. Итак, у переселенца было всего три-четыре месяца для разработки новой пашни, выращи-

вания, уборки и подготовки на зимнее хранение семян и урожая, а также создания своего первого жилища.

Следует учитывать три очень важных фактора при анализе быта первых лет переселенцев в Сибири. Во-первых, люди, решившиеся на подобный шаг, отдавали себе отчет, что будут жить в Сибири с ее морозами, снегами и долгой зимой. Они осознавали многие возмозжные риски.

Успех основания новой деревни напрямую зависел от роли так называемых *ходоков*. Ходоками называли людей, которых переселенцы выбирали из своего круга, оплачивали им дорогу в Сибирь, снаряжали провизией и отправляли их в столь далекое путешествие с двумя целями — выбрать хорошее место под будущую деревню и разузнать точно про местность и условия жизни. В массе ходоки относились к своей миссии очень ответственно: выбирали наиболее красивое и удобное место, учитывали наличие рек и иных водоемов, смотрели состав почвы, налаживали хорошие отношения с местной администрацией и местным иноэтническим населением (преимущественно бурятами). Таким образом, первопоселенцы прибывали на относительно подготовленное место: были нарезаны земельные участки, размежеваны будущие поля, известны источники воды. Однако были случаи, когда первопоселенцы приезжали «напрямую», экономя на ходоках. Таким поселенцам доставались наименее плодородные земли, низины «с долгой талой водой», заболоченные почвы.

Во-вторых, новые, «столыпинские», деревни основывались главным образом вдоль железной дороги, вдали от *старожильческих* деревень сибиряков, так что попроситься на постой на зиму было не к кому. Но этот фактор имел и положительную сторону — переселенцы не конкурировали со старожилами за природные ресурсы — воду и рыбу, грибы и ягоды, дичь и леса.

В-третьих, европейцы приходили на земли, которые ранее принадлежали кочевникам, и в случаях налаживания хороших социальных связей с бурятами последние становились их главными помощниками и отчасти учителями в новых природных условиях. Так, в д. Тургеневка, основанной в 1909 г.

26 ⁴ Адрес электронной публикации: http://tetradimemory.narod.ru/Tetrad1_Batama.htm

выходцами из сел Пружанского уезда Гродненской губернии, потомки переселенцев рассказывали, что первую зиму решили не строиться, а воспользовались приглашением бурят перезимовать в их юртах. Во многих вариантах семейных историй буряты характеризовались в высшей степени положительно:

Они ведь как приехали — только что на себе, а коня пахать — надо, а телегу надо, а коровку надо. Где взять? Вот шли к бурятам в работники. И вот дедушка говорил: «Бурят никогда не обманет.» Вот договорились, что по весне за работу получит он коня, так бурят ему коня и отдаст, и хорошего отдаст (Запись 2010 г., д. Тургенева).

А еще рассказывали, что вот работал у бурят в наймах один белорус. Договорился работать за коня. Так вот по весне хозяин-бурят отдал ему коня. Белорус привел коня сюда, в Толстовку. А ночью тот бурят прискакал, свистнул, и конь по его свисту убежал, ну, угнал он коня обратно в Баяндай. Тот-то работник утром глянул в загон — а коня нет. Он пошел другим рассказал. Пошли те белорусы в Баяндай и пожаловались ихнему бурятскому начальству. И что думаешь? Вернули коня, и еще пару овец дали, ну, как штраф (Запись 2010 г., д. Толстовка).

В некотором смысле д. Тургенева — исключение. Она расположена на территории Усть-Ордынского Бурятского округа, в отдалении от источников воды, в степной зоне, где переселенцы-белорусы жили бок о бок с бурятами. Парадоксальным образом этот факт повлиял и на строительство жилища. По

свидетельствам потомков, первые дома воздвигались на фундаменте, имеющем форму правильного квадрата: *как у бурят, только у них дома круглые, а у нас первые дома — квадратные. Это чтоб теплее дом был. Им так буряты сказали.*

На самом деле дома, в своей основе имеющие правильный квадрат, не редкость в переселенческих деревнях. Безусловно, они лучше сохраняли тепло, и расположенная в середине жилища печь была равноудалена от всех стен, тем самым предотвращая вымерзание углов дома. В то же время у подобного жилища был свой прообраз — *землянка*.

Далеко не все поселения образовывались в непосредственной близости с местами проживания коренного народа. Так, территории современных Тулунского, Куйтунского, Зиминского, Балабановского, Заларинского р-нов Иркутской обл., где выходцами из Белоруссии, Украины, Чувашии и Запада России были основаны сотни деревень, буряты перестали использовать под выгон конских табунов задолго до появления ствольных переселенцев. Соответственно, самым первым типом жилища для прибывших оказывалась землянка. Складывалась она из стволос только что срубленных лиственниц, в пять-шесть венцов. Толщина деревьев существенно увеличивала высоту землянки:

Бабушка говорила, что в землянке ходили в полный рост, была она теплая, в ней жило пять человек (д. Батама, Зиминский р-н).

А я вот тоже бабушку спрашивала — как это в землянке жили? А она говорит,

«Зимовье» и основной дом (д. Тургенева). Фото Fraser Perkins (США)

Традиционные качели во дворе А. В. Шурко (д. Тургеневка). Фото Fraser Perkins (США)

что все так жили первую зиму. Землянки строили вдоль Оки⁵, но чтоб дверь была к лесу, боялись, что весной река разольется и всех затопит. Не знали ж, насколько она разольется. И правда — весной всех затопило, но уже тепло стало, и весну доживали в шалашах (д. Ново-Летники, Зиминский р-н).

Только на второй, а то и на третий год строился непосредственно первый дом из тех самых деревьев, которые рубили, когда расчищали землю под пашню. К тому же за зиму срубленные стволы «подсыхали» и были более пригодны к строительству.

При всем необъятном изобилии строительного материала вокруг первые избы почитались за величайшую ценность. Они могли перепродаваться по высоким ценам, а при смене усадьбы всегда перевозились. Для этого сруб разбирался по бревнам, которые предварительно пронумеровывались строителями, а на новом месте складывался заново. Известны случаи, когда дома перевозились за 200 и более километров.

В настоящее время в «столыпинских» деревнях сохраняется не менее 50% (а в отдельных селах до 85%) домов, построенных сто лет назад переселенцами. Известны два типа сохранения этих домов.

В первом варианте сохранения новый дом (соответственно, шире и выше своего «предшественника») строился как бы вокруг изначальной постройки. Начиная строительный процесс

еще можно увидеть (а в некоторых жилищах даже потрогать!) первозданные, мастерски обтесанные бревна.

Во втором варианте сохранения новый дом пристраивался к старой постройке. Внутренний двор выстилался широкими досками — мостился, — чтобы не было грязи, и чтоб за скотиной было нетрудно убирать «лепешки», когда гонишь ее в стайку (д. Верх-Ока, Зиминский р-н)⁶. Таким образом, складывался своеобразный архитектурный ансамбль: маленький и низенький домик превращался в зимовье, а новая постройка становилась основным домом. Зимовье — это летняя кухня, которую закрывали осенью и открывали только, когда устанавливалась теплая погода. Зимовье позволяло существенно экономить дрова и беречь основной дом от влаги, так как летом в большом доме не готовили, а именно — не топили печь. Объединение в одну усадьбу основного дома и летней кухни — типичное строительство старожильских сибиряков, сохранивших эту традицию еще со времен первых казачьих поселений.

Массовое расширение домов переселенцев началось с середины 20-х гг. XX столетия и продолжалось вплоть до начала коллективизации. Непосредственно перед коллективизацией в этих селах стали организовываться коммуны. Революционно настроенная молодежь (первое поколение, родившееся в Си-

⁵ Ока — левый приток Ангары, берущий начало в верховьях Саян и протекающий по Зиминскому р-ну Иркутской обл.

⁶ Чистота повсеместно была одной из главных особенностей в домах переселенцев. Дом и печь белились («мазались») два раза в году — под Пасху и в конце сентября.

бири) стала уходить из семей в коммуны — некое подобие общежития, — забирая с собой продовольствие и мелкий скот. Как правило, жизнь сибирских коммун заканчивалась менее, чем через год: *Весь провиант съели, свиней закололи и тоже съели — и коммуна закончилась, все разошлись по домам* (с. Масляногорск, Зиминский р-н).

В начале 1930-х гг. вместе с коллективизацией в переселенческие села пришло раскулачивание. Масштабы репрессий среди сибирских крестьян сравнимы только с репрессиями казаков в годы коллективизации. Просторные, новые, светлые дома (нередко в шесть окон) отнимались, их хозяева под осень изгонялись в тайгу, им запрещалось брать с собой любой строительный инвентарь. Без топоров и пил раскулаченные замерзали в шалашах уже в октябре месяце. Ссылка в лагеря на север Иркутской области, тюрьма или расстрел — судьба большинства хозяев просторных домов, а также плотников-переселенцев, которых новая власть посчитала слишком зажиточными, чтобы оставить им право на жизнь⁷. *У нас дядя, самый младший брат отца в Сибирь уехал. Потом приезжал к нам и говорил: «Если б я знал, что землю отдадут крестьянам, я бы ни в какую Сибирь не поехал. А то там за эту землю мне десять лет ссылки дали* (д. Гацковка, Володар-Волынский р-н, Украина).

Второй этап перестройки домов наступил в середине 1960-х гг. *Раньше-то дома боялись расширять. Все помнили, как хозяев больших домов, всех пересажали* (д. Тургеневка, Усть-Ордынский Бурятский округ). Именно в 1960-е гг. люди повсеместно стали менять соломенные крыши на шиферные, пристраивать веранды. Дети и внуки переселенцев, отстраивая свои дома, существенно увеличивали высоту строения и размеры окон. Высокий, просторный дом с большими окнами на том этапе являлся своеобразным эталон красоты. *У нас тогда деньги стали появляться, и все начали перестраиваться. Хотелось, чтобы в доме было побольше света, вот и стали окна расширять. А у нас зимы-то какие! У нас по три рамы на окнах. Ну, начали рамы переделывать. У кого дома с большими окнами — это, считалось, семья*

⁷ Жертвы политического террора в СССР // <http://lists.memo.ru/index.htm>

богатая (д. Толстовка, Усть-Ордынский Бурятский округ). В то же время с 1960-х гг. стали появляться на окнах фигурные наличники.

Окна — очи дома. Если ресурсы хозяйства позволяли выйти ему за пределы чисто прагматических строительных решений, то, безусловно, наиболее приоритетным направлением становилось украшение окон.

Изготовление наличников в советское время было полуподпольным бизнесом, приносящим неплохие доходы плотникам. Вместе с тем, это было опасное занятие, грозившее тюремным сроком «за нетрудовые доходы»: *Ну, какие это нетрудовые доходы? Я три дня трудился, чтоб только лекало подогнать, а мне за каждую ставню трояк платили. Я его в карман клал и боялся, что меня в тюрьму посадят* (пос. Тулун, Тулунский р-н).

Наличники делали по лекалам, во многом копировавшим ставни старожильческих домов Восточной Сибири. Каждый плотник имел целый набор лекал — до 60 штук. Соответственно, хозяину дома предлагался широкий выбор, поэтому формы наличников в таких деревнях отличаются большой вариативностью и редко повторяются.

Как правило, плотники, изготавливающие наличники, были неместными мастерами. Ходили они по деревням бригадами по 2—3 человека. Их работой было навешивание наличников, раскраска же предоставлялась хозяину дома.

Настоящий строительный бум начался в селах, основанных столыпинскими переселенцами, в середине 1990-х гг. Дома вновь стали расширяться и украшаться резьбой, выполненной по эскизам из новых журналов.

Во всех вариантах организации усадьбы переселенца перед двором обязательно разбивался палисадник. Часто во время закладки первых венцов, непосредственно перед будущим домом, в палисаднике сажалось «семейное дерево», чаще всего рябина или ель, но мог быть и куст сирени, и береза. Это дерево символизировало семейных дух или, точнее, *начало нового рода*. Ведь на самом деле переселенческие семьи не только оставляли родину, они навсегда «отрывались» от своего рода, уезжая в столь далекую, неизвестную землю.

Типичной ситуацией был отъезд в Сибирь отца семейства со старшими сыновьями, младшие сыновья и дочери оставались с матерями в метрополии, и зачастую члены семьи больше уже никогда не видели друг друга. Новая земля, новые люди, новый дом, новые перспективы — все это максимально забирало не только трудовые усилия, но и внутреннее внимание переселенца. Оно уже было направлено не в прошлое, а в будущее, такое манящее, но полное опасностей и неопределенности. Сажая дерево, загадывали, как будет жить семья на новом месте. И сегодня, через сто лет в палисадниках растут высокие ели и кустятся рябины.

Центром дома в крестьянских домах всегда являлась печь. Характерно, что в белорусских и украинских поселениях Иркутской обл. печи строили по размеру больше, чем в селах метрополии. Так, двухходовые печи заменялись на трехходовые. Их стали убирать в домах только в середине 80-х годов прошлого столетия. Печи складывались по-разному, в зависимости от той традиции, которую переселенцы принесли из метрополии.

Внешне дома переселенцев из разных ареалов различались не столько по размеру, сколько по форме бревен. Так, белорусы никогда не строили дома из кругляка, считая, что это «некультурно». Бревна в домах белорусских пере-

селенцев всегда была тесаными, причем как с внутренней, так и с внешней стороны.

Характерным признаком домов, принадлежащих различным этническим группам, являются углы домов. В домах украинских и белорусских переселенцев внешние углы «зашивались» в две горизонтальные доски. Это объяснялось не только прагматикой строительства, но и являлось определенной эстетической нормой: *Вуглушки прикрываем, чтоб оттуда ни доска, ни накла не торчали.*

Сложение углов — наиболее ответственная часть работы плотников. Так, самыми серьезными ошибками при строительстве считалось, если угол начинал вымерзать, подгнивать, из него «дуло». Угол дома в сознании обитателей дома ассоциировался с исторической родиной. Туда вешались иконы, привезенные из родного села метрополии. Именно «родные образа» являлись неотъемлемой частью багажа переселенца. Под иконами ставился стол, накрытый нарядной скатертью, с обязательной вышивкой. Скатерть также обычно была привезенной из родных мест. *Бабушка рассказывала, как ее мать горевала по своей родной деревне. Встанет в угол и плачет на голос:*

*Вуглушки вы мои рѳдные,
Вуглушки вы мои тѳплые,
Так-то вы сложены,
Да не там-то вы положены.*

В доме Л. И. Лойко (д. Тургеневка). Фото Fraser Perkins (США)

*Сложены вы по-нашему,
А положены вы не на нашей земле
(д. Верх-Ока, Зиминский р-н).*

Вход в дом всегда имеет особое символическое значение. Это не только переход из холода в тепло, это физическое перемещение человека из внешнего мира, полного потенциальных угроз, во внутреннее пространство, гарантирующее ему максимальную безопасность и покой. В домах сибирских старожилов особой границей между этими двумя «мирами» служил порог. Он иногда достигал 40 сантиметров в высоту. Невысокая дверь и возвышающийся порог, безусловно, играли важную роль в сохранении столь ценного тепла. Дома переселенцев, как правило, не отличались высоким порогом, но весьма типичной деталью их постройки оказывалось крыльцо. Преддверие входа в жилье занимает значительную часть общего пространства дома. В украинских деревнях Сибири сохранялась традиция строить высокое крыльцо: *Слышно, какой человек в дом заходит. Если с дурными мыслями — под ним крыльцо обязательно заскрипит* (д. Осиповск, Зиминский р-н).

Крыльцо вело на веранду, еще один отрезок пути к внутреннему миру дома. Веранды начали строить с 1960-х гг. и в основном использовали под хранение продуктов: *Что надо сохранить до весны — то в погреб, а вот мука, сахар, крупы — это на веранду* (с. Масляногорск, Иркутской обл.). Обращает на себя внимание такая деталь: несмотря на то, что функционировала веранда в качестве подсобного, хозяйственного помещения, ее пол и стены выкрашивали в яркий тон — желтый, голубой, салатный и даже оранжевый. «Приветливость» жилья должна была ощущаться с самых первых шагов, которые делал входящий в помещение.

Интересно, что увеличение крылец и веранд одновременно сопровождалось иным строительным процессом — уменьшением первоначальных размеров печки. Во многих деревнях русская печь была вытеснена так называемой «голландкой». Этот процесс можно трактовать по-разному, но, скорее всего, с русской печью решались расстаться наиболее зажиточные семьи, чувствующие себя наиболее уверенно и

безопасно. О том, что печь — это наиболее безопасное место, можно судить и по многочисленным быличкам о домовых (Хозяине). В рассказах русских, украинских белорусских переселенцев этот персонаж всегда живет под печью, реже — за печью.

По многочисленным рассказам потомков переселенцев, их родители и поколение бабушек-дедушек с большой радостью отзывались о Сибири, несмотря на посещавшую их время от времени тоску по родным деревням. Сравнивая жизнь в Сибири и в селах метрополии, переселенцы и их дети всегда подчеркивали, насколько богаче и счастливее стала их жизнь в Сибири: *Ну, возила меня мама на родину в Хмельницкую область, и что? Дров нет, земли нет, зимой дождик. Мама там все время болела. Вернулись обратно в Сибирь — выздоровела сразу же* (д. Батама, Зиминский р-н).

Среди переселенцев столыпинского времени в обследованных деревнях известны лишь единичные случаи, когда семьи возвращались назад в метрополию. Подавляющее большинство оставалось жить на новых землях.

И сегодня дома в переселенческих селах отличаются особой ухоженностью, многоцветно раскрашенными архитектурными элементами, оригинальной резьбой, какой-то особенной «статьей» и являются наглядным примером того, как можно качественно изменить жизнь целого региона, поддержав в людях желание перемен и стремление к улучшению своей доли.

Summary. This article is devoted to the question of building houses in the villages that were settled in the Eastern Siberia during the Stolypin Agrarian Reform (1906—1917). Hundreds of thousands of immigrants from Ukraine, Belarus, and western districts of Russia left their motherland forever and went to far-away, unknown Siberia. The main purpose of this movement was to fundamentally change their lives for the better. In the thick forest, immigrants built houses, churches, and schools, and one hundred years later several hundred of these picturesque villages are left to us as our heritage. In these villages, descendants of the immigrants continue to live by the strong farmers' way.

Key words: Eastern Siberia, migrant, Stolypin, manor, farm.